УДК 94(47).084.8
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00078

Ю. З. Кантор

«Улицы стали проспектами мертвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по документам архива УФСБ по СПб и ЛО)

Одной из самых трагических и трудноисследуемых (в связи с недоступностью архивных сведений и обобщающей информации) страниц истории блокады Ленинграда является смертность населения и ее динамика, особенно в первое блокадное полугодие: с сентября 1941 по февраль 1942 г. включительно. В настоящей статье предпринята попытка на основе преимущественно впервые вводимых в научный оборот документов проследить динамику смертности в указанный период на фоне катастрофического положения с продовольствием, а также реакцию населения на происходящее (в частности оценки жителями положения и деятельности в этом контексте городских властей), зафиксированную в документах советских спецслужб.

К 8 сентября (день начала блокады) 1941 г. численность населения Ленинграда составляла 2 457 605 чел [1]. В первый день войны, 22 июня, здесь проживало 2 812 134 чел. — взрослого населения 2 221 031, детей 591 603[2].

На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах имелось муки, включая зерно, предназначенное для экспорта, на 52 дня, крупы — на 89 дней, мяса — на 38 дней, масла животного — на 47 дней, масла растительного — на 29 дней. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. т зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. т зерна и муки из портов

Латвии и Эстонии[3]. Еще до начала блокады, в конце июня 1941 г., Управление НКВД по Ленинградской области провело обследование состояния НЗ продовольствия. В донесении под грифом «совершенно секретно» управление сообщало, что «кладовые не пригодны для хранения продуктов, не соблюдаются требования санитарного надзора, неприкосновенный запас подвергнут порче. Из-за течи воды с потолка подмочены мешки с сухофруктами, сливочное масло покрыто плесенью, рис и горох заражены клещом, мешки с сухарями разорваны крысами, покрыты пылью и пометом грызунов»[4]. Информации о том, были ли приняты меры по сохранению НЗ, не обнаружено.

Принятое в конце августа постановление Комиссии ГКО о необходимости создания к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия[5] было заведомо невыполнимым — начиналась блокада. Практическое значение имело лишь решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания, нормировать отпуск чая, яиц, соли, мыла: еще в июле спрос на эти продукты достиг 500 % от довоенного уровня, и к августу уже ощущалась их острая нехватка.

«Цепко держалась иллюзия (причем одновременно с ожиданием самого худшего), что скоро каким-то чудесным образом “всё станет на место”. Психологическое состояние неожиданности растянулось на месяцы. Хотя, казалось бы, это состояние моментальное. Неожиданность — длилась»[6].

О блокаде населению не сообщалось[7]. Более того, 13 сентября, пять дней спустя после того, как кольцо вокруг города окончательно замкнулось, газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение ТАСС, в котором заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Совинформбюро А. Лозовский заявил: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением»[8].

Но к подобным сообщениям население относилось критично. Ольга Берггольц записала в этот день в дневнике: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы всё идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше — ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, — к нашему правительству... Это называлось: “Мы готовы к войне”. О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»[9]

8 сентября на город, по официальным данным, было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего возникло 183 пожара. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия. (Значительная, но отнюдь не вся, как впоследствии утверждалось партийным руководством, таким образом объяснявшим причины катастрофы с продовольствием.) На Бадаевских складах сгорело около 40 помещений, в которых находилось 3 тыс. т муки и 2,5 тыс. т сахара (запасы города на 1–3 дня, по действовавшим

нормам)[10]. До 1 тыс. т горелой муки и до 900 т горелого сахара в дальнейшем были переработаны пищевыми предприятиями. В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал символом начала голода 1941–1942 гг., однако версия о том, что именно этот пожар был главной причиной бедствий осени–зимы 1941/1942, не соответствует действительности. Бадаевские склады были единственным хранилищем продовольствия для второго по величине города Советского Союза, но продовольствия в них было по довоенным нормам лишь на несколько дней. Мегаполис в мирное время питался с колес. Запасы продовольствия после пожара на Бадаевских складах были рассредоточены по всему городу. Была ликвидирована коммерческая торговля. Для выпечки хлеба стали использовать все сырьевые ресурсы, которые можно было смешивать с мукой. С 6 сентября хлеб выпекался с примесями ячменной и овсяной муки, а затем с примесями отрубей, соевой муки и жмыхов, что резко снизило питательные качества хлеба[11].

30 августа ГКО принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которое предусматривало доставку в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего водным путем через Ладожское озеро. Было принято также решение о снижении хлебных норм в Ленинграде. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 г, служащие — 400 г, безработные и дети — 300 г хлеба.

Положение становилось всё более напряженным, и 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: хлеба — до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г — для служащих и детей, до 250 г — для иждивенцев; были также снижены нормы выдачи крупы и мяса. Проведенный 10 и 11 сентября вторичный учет продуктов питания показал, что для обеспечения войск и населения по новым установленным карточным нормам в Ленинграде имелись запасы зерна, муки и сухарей на 35 дней, крупы и макарон — на 30 суток, мяса и мясопродуктов — на 33 дня, жиров — на 45 суток, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток[12]. Ситуация продолжала стремительно ухудшаться. Поступление продовольствия в Ленинград шло в крайне ограниченных размерах, не только не компенсировавших недостаток, но и неуклонно уменьшавшихся.

«Совершенно секретно

7 ноября 1941 года.

Продовольственные фонды Ленинграда крайне ограничены, запасы основных продовольственных товаров составляют:

муки — 12 000 тонн, или на 15 дней;

крупы и макарон — 5 000 тонн, или на 16 дней;

сахару — 4 700 тонн, или на 35 дней;

жиров — 2 300 тонн, или на 2,2 дня.

Мяса и мясопродуктов нет, оставшиеся запасы мяса обеспечивают потребность воинских частей только на 6 дней»[13].

В течение двух декад октября, при необходимом для обеспечения установленных норм расходе хлеба в количестве 13 713 т муки, в Ленинград ее поступило лишь 3 650 т, т.е. в четыре раза меньше[14]. С доставкой в Ленинград мяса и маслопродуктов положение в декабре 1941 г. было катастрофическим. При норме выдачи во второй декаде октября 650 т жиров в блокированный город прибыло в три с лишним раза меньше — 180 т. Рыба в Ленинград вовсе не поступала[15].

Руководство города в очередной — уже четвертый за два с небольшим месяца — раз снизило нормы выдачи продовольствия населению. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население — 150 г хлеба. Но и это не помогло: продовольственный поток в мегаполис практически прекратился. И через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того мизерных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за всё время блокады — 250 г рабочим и 125 г всем остальным[16].

На таком фоне рефрен спецсообщений ленинградского УНКВД в Москву, на Лубянку, «снижение норм выдачи хлеба сопровождалось большой разъяснительной работой среди трудящихся города <...> Последнему снижению норм (250 гр. рабочим, 125 гр. служащим и иждивенцам) предшествовала большая разъяснительная работа»[17], выглядит беспомощно.

Из воспоминаний Г. Канаевой, работавшей в блокаду технологом на хлебокомбинате: «Мы растягивали запасы муки как могли — клали всего 40 %. Остальное — примеси: жмых, целлюлоза, овсянка, солод. Изощрялись до того, что вымачивали пустые мешки и осадок добавляли в хлебную массу»[18]. «Жизнь в Ленинграде с каждым днем ухудшается. Люди начинают пухнуть, едят горчицу, из нее делают лепешки. Мучной пыли, которой раньше клеили обои, уже нигде не достанешь»[19].

Под руководством секретаря горкома партии П. Г. Лазутина, сообщала в этот период «Ленинградская правда», были организованы использование и учет всех эрзац-продуктов: над городом нависал голод. На мельницах соскребали мучную пыль, трясли мешки; на пивзаводе из-под пола откачали более 100 т солода; в порту нашли 2000 т бараньих кишок; в железнодорожных тупиках извлекли из вагонов 1000 т жмыха (его в Ленинграде называли дурандой), 500 т муки, 100 т трески, 30 т масла. Целлюлоза с завода им. С. Разина пошла на выращивание дрожжей, а из них делали «дрожжевой суп»; из кормовой сои делали молоко для детей, а отжимки (их называли шротами) шли на запеканки, биточки[20]. Всё шло в переработку: рис-лузга, кукурузные ростки, отсевы, столярный клей, кожи-шкуры — надо было кормить армию, рабочих, ПВО, население... До конца 1941 г. в питание было пущено 18 тыс. т суррогатов. А в Ленинграде на 1 октября было выдано продовольственных карточек 2544 тыс., в том числе детских 400 тыс., да в пригородах внутри кольца блокады оставались 343 тыс. чел. [21]

Зима 1941/1942 г. была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре–феврале от –20 до –32°, в квартирах, даже обогреваемых «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г. Из спецсообщения УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области:

«12 января 1942 г.

Начиная с третьей декады декабря 1941 г. продуктовые карточки населения Ленинграда полностью не отовариваются. Кроме хлеба... население никаких продуктов не получает»[22].

Сотрудники УНКВД в донесениях в Москву фиксировали «наиболее типичные» высказывания горожан. «Наш любимый Ленинград превратился в свалку грязи и покойников»; «что глядят наши руководители, вся земля усеяна трупами»; «о людях этого города не заботятся и оставили его на произвол судьбы»; «Ленинград стал моргом, улицы стали проспектами мертвых»; «народ голоден, а правительство никакой помощи народу не оказывает и в нужды народа не вникает. Руководящие работники питаются хорошо, и не видят, что наши дети голодают»[23]. И действительно, городское и областное руководство продовольственную проблему на личном опыте не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. — *Ю. К.*) было абсолютно всё, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки»[24], — вспоминал Г. Петров, сотрудник столовой Смольного. Подобного рода роскошь была привилегией отнюдь не только партийной верхушки, она была доступна представителям и более низких ступеней партийной номенклатуры — райкомовским и райисполкомовским работникам. И пользовались они этой привилегией без малейшего стеснения, получая в качестве бескарточного питания в своих ведомственных столовых не только консервы и шоколад, но и даже — правда, к праздникам — зернистую икру. В одну только райисполкомовскую столовую Приморского района «трестом столовых перед ноябрьскими праздниками было отпущено специально для столовой № 13 — 10 кг шоколада, 8 кг зернистой икры и консервы»[25]. Но этого оказалось мало, и «6 ноября из РК ВКП(б) звонили директору столовой В., требуя предоставления еще шоколада»[26]. Авторы спецсообщения делают ремарку: «Сейчас нет возможности выдавать... пирожное, — а пред[седатель] Райисполкома Б. в начале ноября звонил Т.: “достать ему 20 штук пирожных”, что последним было выполнено»[27].

А обычные ленинградцы в этот же период ежедневно тысячами умирали от дистрофии. «Мы делали из пайки 125 г шестнадцать сухариков, сушили их на буржуйке и делили на три раза: пять, пять и вечером шесть (два-три с собой в бомбоубежище на ночь). Дома были довоенные соль, лавровый лист, специи и то, что давали по карточкам: “за мясо” давали студень; “за масло” — шпик, 300 г за килограмм; яичный порошок — 170 г за килограмм. Но всё это уже в ноябре было с перебоями»[28]. «За» — это «вместо», иными словами, даже положенное по карточкам приобрести было уже невозможно. «Теперь запрещено слово “дистрофия” — смерть происходит от других причин, но не от голода! О, подлецы, подлецы!»[29] — не сдерживала негодования Ольга Берггольц.

Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 г.:

«Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре — 6199 чел.,

в ноябре — 9183 чел.,

за 25 дней декабря — 39 073 чел»[30].

В течение декабря смертность, основной причиной которой было истощение, возрастала. Справка ленинградского УНКВД о смертности населения Ленинграда по состоянию на 25 декабря 1941 г.:

«1–10 декабря — 9541 чел.;

11–20 декабря — 18 447 чел.;

21–25 декабря — 11 085 чел.

Если в декабре 1941 г. в городе умерло 52 612 чел., то за 25 дней января умерло 77 279» [31].

Динамика «шагов» смерти от голода была чудовищной:

«1-я декада января — 28 043 чел.;

2-я декада января — 32 070 чел.;

5-я пятидневка — 17 166 чел.»[32]

В январе в течение нескольких дней ленинградцы не могли получить по карточкам даже хлеб: его в городе просто не выпекали, по официальным данным, из-за отсутствия электричества. (Лишь двое суток спустя городское руководство догадалось вместо хлеба начать выдачу муки.) И смертность сделала очередной чудовищный рывок. Если в январе 1941 г. в Ленинграде умерло 4211 чел.; в декабре 1941 — 52 612 чел.; в январе 1942 г. — 96 751 чел. За 10 дней февраля 1942 г. — 36 606 чел. [33] Следовательно, в день умирало более 3600 чел.

Для рабочих и служащих стратегически важных предприятий города были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки, в течение 8–10 дней получали трехразовое питание. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощенным работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счет. За исключением лиц, переведенных на казарменное положение, все работники могли являться на завод 1 раз в 2–3 дня[34].

Одним из самых страшных свидетельств блокады являются детские впечатления. В музее Политической истории есть подборка детских воспоминаний и писем, ранее находившаяся в спецхране. «Однажды ночью я проснулась. Было очень тихо. Мама лежала рядом, такая молчаливая, страшная. “Мама”, — позвала я. Она не откликнулась. Я закричала. Я протянула руку, а она уже холодная. Я никому ничего не сказала, так и пролежала до самого утра. Что было

дальше, я не помню, я сильно заболела сама. Меня устроили сюда. Здесь мне хорошо, но я еще почти не могу ходить. Рита Гельман», — записано воспитательницей детдома 25 марта 1942 г. Еще одно воспоминание: «К весне папа и мама стали болеть. Им становилось всё хуже и хуже. Вскоре умер папа, через несколько дней — мама. Я жила целый месяц одна в своей комнате. Было тяжело на иждивенческие карточки. Я голодала, опухла». «Чего я только поел за эти два месяца — декабрь и январь. Ел не только дуранду, которая считалась лакомством, но и другие вещи вроде столярного клея». «Дорогая Татьяна Александровна! Пишет вам бывший воспитанник Васильев Максим. О том, что убили папу, я говорил вам еще в школе, в декабре 41-го. Потом заболела мама и слег Жоржик (младший брат. — *Ю. К.*). Я тоже всё больше лежал, но оказался сильнее их. Ходил за хлебом, жег мебель и изредка топил печку. Маме всё делалось хуже, и она умерла. Мне было почти всё равно... Очень пугало, как я увезу ее, когда у меня совсем нет сил. Все-таки увязал ее в одеяло и повез. Когда вернулся с кладбища, то увидел, что за это время Жоржик тоже умер. Отвез и его...»[35]

В домах и на улицах лежали тысячи незахороненных трупов. Жители были не в состоянии даже отправить их в морги. «Смерть бушует в городе. Он уже начинает пахнуть как труп... Даже экскаваторы не справляются с рытьем могил. Трупы лежат штабелями, целые улицы и переулки из штабелей трупов. Между этими штабелями ездят грузовики с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колесами грузовиков»[36], — записала Ольга Берггольц.

С ноября 1941 г. бойцы МПВО стали собирать трупы на улицах, а позднее вместе с дружинницами Красного Креста стали с этой целью обходить квартиры. Подходы к кладбищам были завалены трупами, завернутыми в простыни. Мертвых стали хоронить в братских могилах, которые отрывались экскаваторами и при помощи взрывчатки. В первую блокадную зиму захоронением погибших от голода ежедневно занимались около 4 тыс. бойцов МПВО, подрывников, рабочих фабрик и заводов[37].

Только на Пискаревском кладбище, ставшем самым крупным в Европе захоронением жертв войны, было погребено 420 тыс. ленинградцев. Сохранившаяся фрагментарная статистика захоронений на нем дает некоторое представление о масштабах трагедии — 15 февраля 1942 г. доставлено 8452 умерших, 19 февраля — 5569, 20 февраля — 10 043[38]. Поименный учет захоронений не велся до мая 1942 г. Точный учет умерших не велся до 1943 г., разрозненные сведения не сводились воедино. Сводных данных о количестве жертв блокады Ленинграда — и даже умерших непосредственно в городе (а не в пути в эвакуацию и не от отдаленных последствий голода), нет до сих пор.

Sources

Archive of UFSB RF for SPb and LR. F. 12. Op. 2. N 18, 19.
GMPIRF II 30424/1–9.

Источники

Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 18, 19.
ГМПИРФ II 30424/1–9.

1 Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 18. Л. 29.
2 Там же. Л. 25.
3 Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. URL: http://http://militera.lib.ru/h/leningrad/04.html (дата обращения 22.09.2018).
4 *Богданов И.* Ленинградская блокада от А до Я. СПб.: Кентавр, 2010. С. 14.
5 Там же. С. 19.
6 *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Ч. 1. URL: http://tululu.org/read13358/29/ (дата обращения 22.09.2018).
7 *Ковальчук В., Рупасов А., Чистиков А.* 8 сентября 1941 г.: формирование исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: материалы международной науч. конф. СПб., 2010. С. 89.
8 Ленинградская правда. 1941. 13 сентября.
9 Ольга. Запретный дневник. (Ольга Берггольц. Дневники, документы, материалы следственного дела). СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 62–64.
10 *Чистяков А.* Ю. Бадаевские склады // Энциклопедия Санкт-Петербурга: энциклопедический словарь. URL: http://www.encspb.ru/object/2804035079?dv=2853931022&lc=ru (дата обращения 22.09.2018).
11 Непокоренный Ленинград. URL: http://militera.lib.ru/h/leningrad/04.html (дата обращения 22.09.2018).
12 Там же.
13 Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 24.
14 Там же.
15 Там же.
16 Там же.
17 Там же. Л. 38, 51.
18 Московский комсомолец. 2006. 13 сентября.
19 Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 27.
20 *Милова И. Ю.* Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 70.
21 Там же.
22 Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 115.
23 Там же. Л. 25, 141–142.
24 *Богданов И.* Ленинградская блокада от А до Я. С. 272.
25 Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 97.
26 Там же.
27 Там же.
28 *Милова И. Ю.* Моя блокада. С. 72.
29 Ольга. Запретный дневник. С. 89.
30 *Ломагин Н.* Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.; М.: ИД Нева; Олма-Пресс, 2002. С. 236.
31 Архив УФСБ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 19. Л. 101.
32 Там же. Л. 142.
33 Там же. Л. 181.
34 900 героических дней. М.; Л., 1966. С. 178.
35 ГМПИР Ф II 30424/1–9.
36 Ольга. Запретный дневник. С. 82.
37 Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали,

В. А. Шишкин. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970. URL: http://militera.lib.ru/h/leningrad/05.html. (дата обращения 22.09.2018).

[38] *Богданов И.* Ленинградская блокада от А до Я. С. 352.

References

900 geroicheskih dnej [900 heroic days. In Russ.] Moscow; Leningrad, 1966.

ADAMOVICH A., GRANIN D. *Blokadnaya kniga* [The Blockade book. In Russ.] URL: http://tululu.org/read13358/29/ (date of access 22.09.2018).

BOGDANOV I. *Leningradskaya blokada ot A do YA* [The Seage of Leningrad from A to Z. In Russ.]. Saint Petersburg: Kentavr, 2010.

CHISTYAKOV A. YU. Badaevskie sklady // *Entsiklopediya Sankt-Peterburga*. URL: http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804035079 (date of access 22/09/2018).

KOVAL'CHUK V., RUPASOV A., CHISTIKOV A. *8 sentyabrya 1941: formirovanie istoricheskoj pamyati* [The 8 of September 1941. The forming of historical memory. In Russ.] // Vtoraya mirovaya vojna kak problema natsional'noj pamyati. Materialy mezhdunarodnoj nauch. konf. Saint Petersburg, 2010.

LOMAGIN N. *Neizvestnaya blokada* [The unknown Siege. In Russ.]. Saint Petersburg; Moscow: ID Neva; Olma-Press, 2002.

MILOVA I.Y U. *Moya blokada* [My Blockade] // Istoriya Peterburga. 2009. N 1 (47). S. 68–75.

Ol'ga. Zapretnyj dnevnik. (Ol'ga Berrgol'ts. Dnevniki, dokumenty, materialy sledstvennogo dela) [Olga. The forbidden diary. Diaries, documents, materials of investigatory case. In Russ.] Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2010.

Nepokorennyj Leningrad. Kratkij ocherk istorii goroda v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Unconquered Leningrad. A short outline of the history of the city during the Great Patriotic War. In Russ.] / A. R. Dzeniskevich, V. M. Koval'chuk, G. L. Sobolev, A.N. TSamutali, V.A. SHishkin. Leningrad: Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1970.

Список литературы

900 героических дней. М.; Л., 1966.

Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. URL: http://tululu.org/read13358/29/ (дата обращения 22.09.2018).

Богданов И. Ленинградская блокада от А до Я. СПб.: Кентавр, 2010.

Ковальчук В., Рупасов А., Чистиков А. 8 сентября 1941 г.: формирование исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: Материалы международной науч. конф. СПб., 2010.

Ломагин Н. Неизвестная блокада. СПб.; М.: ИД Нева; ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Милова И. Ю. Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 68–75.

Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1970.

Ольга. Запретный дневник. (Ольга Берггольц. Дневники, документы, материалы следственного дела). СПб.: Азбука-классика, 2010.

Чистяков А. Ю. Бадаевские склады // Энциклопедия Санкт-Петербурга. URL: http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804035079 (дата обращения 22.09.2018).

Ю. З. Кантор. «Улицы стали проспектами мертвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по документам архива УФСБ по СПб и ЛО)

Одной из самых трудноисследуемых (в связи с недоступностью архивных сведений и обобщающей информации) страниц истории блокады Ленинграда является смертность населения и ее динамика, особенно в первое блокадное полугодие: с сентября 1941 по февраль 1942 г. включительно. Материалы советских спецслужб, публикуемые в данной статье впервые, дают возможность прояснить ситуацию. Приводятся данные об убывающей динамике поставок продовольствия в город, невозможности приобрести продукты даже из перечня, предусмотренного продовольственными карточками, а также сведения об обеспечении в указанный период продуктами питания ленинградской партийно-государственной элиты. Публикуются сведения о количестве умерших в Ленинграде по месяцам и декадам осени–зимы 1941–1942 гг., о реакции жителей на обстановку в городе. Также впервые вводятся в научный оборот сведения о количестве населения Ленинграда на 22 июня и на 8 сентября 1941 г.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, НКВД, голод, смертность, дистрофия, карточки.

J. Z. Kantor. "The streets became avenues of the dead". To the issue of mortality in Leningrad in the first half of the siege (according to the documents of the FSB Archive for St. Petersburg and Leningrad Region)

The mortality of the population and its dynamics, especially in the first half-year of blockade — since September 1941, until February 1942 — is one of the most difficult pages of the history of the siege of Leningrad (in connection with the inaccessibility of archival information and generalizing information). The materials of the Soviet special services, published in this article for the first time, provide an opportunity to clarify the situation. The article contains information on the diminishing dynamics of food supplies to the city, the inability to take food even from the list provided for by food cards, as well as information about the providing of food products of the Leningrad party-state elite the same period. In the article published the information on the number of deaths in Leningrad for the months and decades of autumn–winter 1941–1942, on the reaction of the townspeople to the situation in the city. For the first time information on the number of the population of Leningrad on June 22 and on September 8, 1941 is entered into the scientific circulation.

Key words: Leningrad, the siege of Leningrad, the NKVD, famine, mortality, dystrophy, cards.

Кантор, Юлия Зораховна — д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена

Kantor, Julia — Doctor in History, professor, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of World History, Herzen University.

e-mail: juliakantor@yandex.ru